

О том, почему молодежь не читает, лучше всего говорить, конечно, в библиотеке. И непременно ночью. Среди милых стеллажей зачитанных книг, так и манящих прилечь... хотя бы к монитору своего планшета.

Думаете, шучу? Да нет, именно во время акции «Ночь в библиотеке», которую уже в третий раз проводил отдел обслуживания Института журналистики и факультета философии и социальных наук Фундаментальной библиотеки БГУ, все и было. Молодым журналистам упражняться в социальном остроумии надо? Надо. Поэтому в этом году акционная ночь прошла в формате ток-шоу «Чтение молодежи. Мифы и реальность». Участвовали, естественно, студенты Института журналистики, они же и были модераторами, а именно Анастасия ЗАХАРОВА, Елизавета МЕЛИХОВА, Ликия ЯНИЦКАЯ.

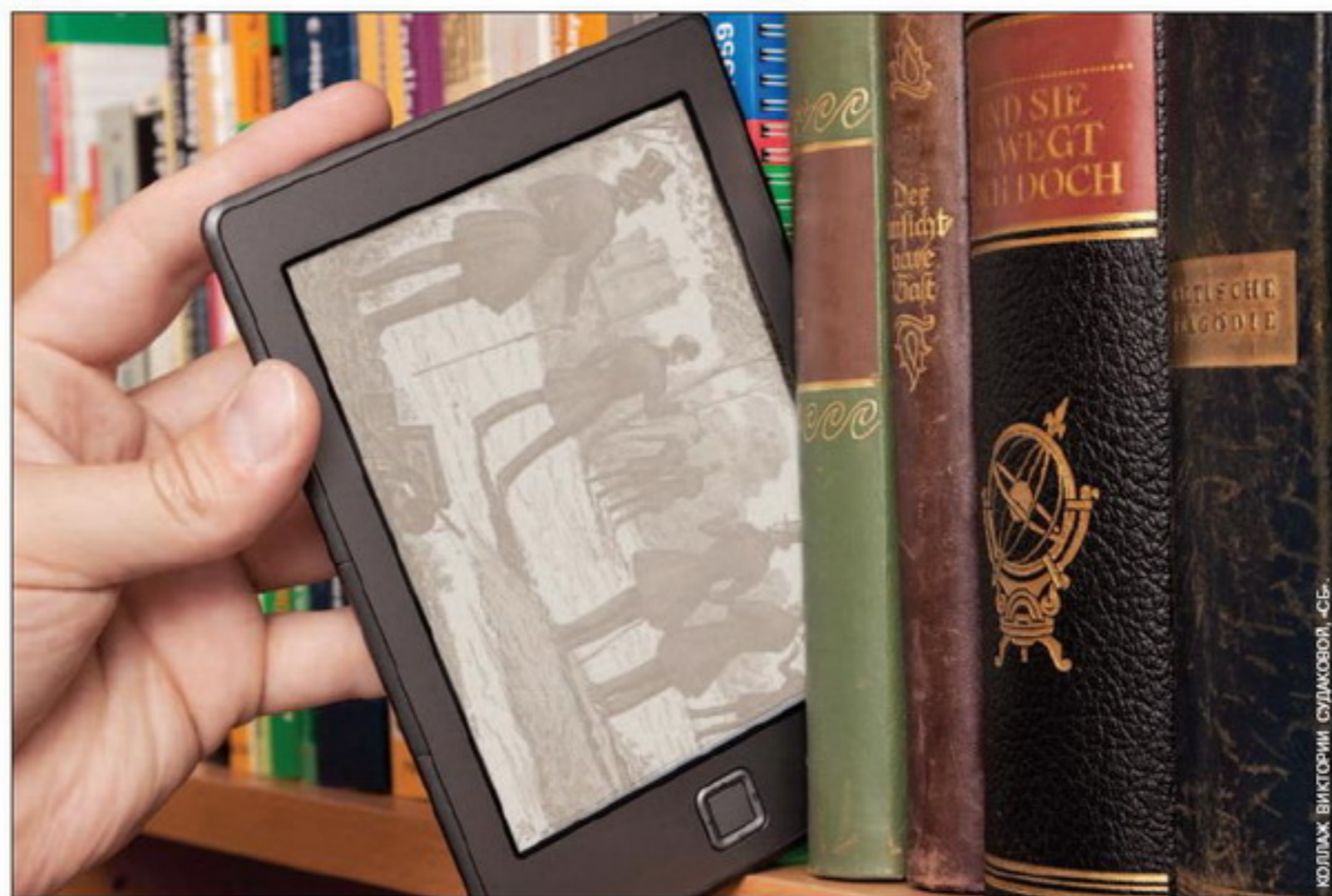
Высказывать свои мнения должны были эксперты: директор фундаментальной библиотеки БГУ Петр ЛАПО, редактор издательства «Регистр» Татьяна ФАЛАЛЕЕВА, писательница Юлия ЛЕШКО, доцент кафедры литературно-художественной критики БГУ Оксана БЕЗЛЕПКИНА, директор научной библиотеки БНТУ Алексей СКАЛАБАН и я, писатель-обозреватель Людмила РУБЛЕВСКАЯ.

В начале дискуссии нам предложили посмотреть ролик, снятый российскими журналистами. Молодой ведущий, стоя перед современной многоэтажкой, спрашивает прохожих, знают ли они, что именно в этом доме на девятом этаже находится музей-квартира Лермонтова? Ведь поэт там жил, пока не умер от тифа... И прохожие, не замечая подвоха в вопросе, уверяют, что да, знают. Не смущают никого и дальнейшие мистификации журналиста, который спрашивает, известно ли им, что музеем заведует внук Лермонтова, Антон Чехов, и как они относятся к тому, что поэта убили на дуэли советский писатель Михаил Булгаков, причем из автомата Калашникова... Поддакивают, кивают...
— Так есть ли проблема в том, что люди не читают и не могут ответить на элементарные вопросы? Существует ли нечитающая молодежь? Миф это или реальность?

О.Безлепкина: Есть похожее видео, снятое в Беларуси. Увы — результат тот же. Однако не думаю, что такие видеоролики отражают настоящее положение дел: перед камерой, как на экзамене, человек может просто растеряться. Когда я проводила тестирование о чтении среди студентов, обнаружила, что у многих нет дома вообще никаких книг (ну это объяснимо, студенты — народ чочевой). Кто-то читает произведения по университетской программе, кто-то — тексты, связанные с профессией, а кто-то поглощает массовую литературу... Неприятно думать, что человек, путающийся на экзамене Шамякина и Быкова, будет работать в белорусской газете, делать сюжеты о культуре на телевидении? Но потом понимаю: не прочитал что-то теперь — не значит, что вообще не читает, не станет расти профессионально.

Л.Рублевская: Нельзя говорить о молодом читателе вообще. Никогда все одинаково не будет любить Достоевского или Маркеса. Всегда найдется только небольшое количество людей, которые смогут в полной мере понять сложные классиче-

За что Булгаков убил Лермонтова?

КОЛЛАЖ ВИКТОРИИ СУДАКОВОЙ, «СБ»

ские произведения, полюбить их. Поэтому делать трагедию из таких уличных опросов не стоит. С другой стороны, нужно ли обязательно давать базовые знания мировой классики? Я бы сказала — да. Математику большинство из нас в повседневной жизни тоже не использует на том уровне, который мы получили в школе, через «не могу» и «не хочу» заучивая формулы. Тем не менее считается, что без этого образованный человек не может состояться. Ну а тем более это касается литературы, единственного предмета в школе, который обращается к этике, воспитывает сопереживание!

А.Скалабан: Начали меньше читать? Нет, абсолютно нет. Посмотрите вокруг... Да, художественной литературы «потребляют» меньше. Но информации глазами мы поглощаем куда больше, чем раньше. Даже едем в метро — и читаем новостную ленту. Раньше вы приходили домой и брали в руки одну из пятидесяти книг вашей домашней библиотеки. Сейчас количество скачиваний книг на известных сайтах вроде Amazon двукратно увеличивается ежегодно, это я не учитываю пиратские скачивания, которых раз в десять больше. Конечно, в основном скачивают художественные произведения. Но читать в последнее время больше стали профессиональную литературу. В хорошем магазине, если вы физик или химик, найдете десять — двадцать книг по вашей теме. Только по физике сейчас выходит пять тысяч журналов. Их просто невозможно все прочитать.

П.Лапо: Профессиональную литературу читать будут всегда. Но речь о литературе художественной, которая воспитывает личность. К сожалению, у нас смещенная система ценностей. Если бы в ее основу была положена работа над собой в процессе чтения и человек соответственно с этим достигал положе-

ния в обществе, все бы читали. Однако согласно журналу «Форбс» первая десятка мультимиллиардеров не имеет высшего образования. Но уверяю вас, ситуация в скором времени изменится. Тот образ жизни, который мы ведем, угрожает глобальной катастрофой.

О.Безлепкина: Знание литературы, пусть даже поверхностное знакомство, — это... некая норма в нашем обществе (поэтому такой смех вызывают те видеоролики с «незнайками»). А вот незнание может иногда много сказать о человеке. Когда я училась в школе, у нас был на замене молодой учитель-физик, очень симпатичный. Одна девушка, которая, видимо, хотела произвести на него впечатление, упомянула героя Джека Лондона Мартина Идена. Учитель переспросил: «Какая Иден?» И мы вдруг поняли, что для него это имя ассоциировалось с персонажем сериала «Санта-Барбара». И я помню то чувство разочарования, с которым мы смотрели на нашего недавнего кумира...

Ю.Лешко: Читать молодые люди перестали где-то в начале 1990-х. Вдруг случились чисто бытовые проблемы, карточная система, родители были озабочены, как добыть продукты. А

книжный рынок заполонило жуткое количество книг с отвратительными коллажами на обложках. В это же время появились видеомэгафоны. И тогда же понизился градус эмоциональности даже в родственных отношениях. Родители перестали читать с детьми. Сегодня — последствия той катастрофы.

— Был проведен опрос среди шестисот школьников, кого из писателей они хотели бы выкинуть из школьной программы. Результат печален: школьники хотят выбросить Солженицына — потому что «он хотел, чтобы его жалели», Булгакова — «потому что нет сил слышать от девушек, что они любят «Мастера и Маргариту», Достоевский слишком сложен, Некрасов пишет о деревне... Нужно ли школьную программу по литературе сокращать?»

О.Безлепкина: Корпус текстов, изучаемых по программе, создает общее поле смыслов для определенного сообщества людей. Оно может быть разным в разных странах, у разных поколений, у людей с разным образованием. Я окончила белорусское отделение филологического факультета БГУ. Кто-то учился параллельно со мной на отделении русской или зарубежной филологии. И у каждого

из нас свой корпус прецедентных текстов, свое поле смыслов. Не страшно не знать чего-то, что знают другие, плохо, когда у человека вообще нет понимания культурных кодов.

Л.Рублевская: С другой стороны, самыми любимыми книгами все равно будут оставаться те, которые ты прочитал не на уроке, не для того, чтобы получить оценку.

О.Безлепкина: Не обязательно. Программу по литературе лучше воспринимать не как дамклов меч, а как источник информации о писателях и книгах, к которым стоит вернуться, до которых стоит dorasti.

Ю.Лешко: Однажды моя родственница-школьница говорит: «Пытаюсь читать Булгакова — бред же собачий!» Я возмутилась: «Нельзя кичиться невежеством!» На это она, сделав паузу, сказала: «Что такое кичиться?» У всех свой уровень. Нужно разделять просто молодежь и студенческую молодежь. Для студентов-гуманитариев разговор вообще не должен заходить об исключении какой-то классики из программы. Она необходима, чтобы набрать хотя бы тонкий пласт культуры, знать, как неглупые талантливые люди умеют выражать свои мысли. И здесь очень важна личность педагога. У нас был преподаватель на филфаке, который любил диктанты из Паустовского. И я люблю Паустовского до сих пор. А в школе мы читали избирательно. В «Войне и мире» Льва Толстого я предпочитала сцены светской жизни и балов.

П.Лапо: Я бы не отделял студенческую молодежь от всей другой. Мы живем в одном обществе, и все заинтересованы, чтобы вокруг были образованные, культурные люди, а не хама. Да, все зависит от личности преподавателя. В наше время были очень четкие оценки: Катерина — «луч света в темном царстве», Анна Каренина — еще один «луч». Эти клише ничего не дают. Мне кажется, есть действительное понимание поэзии, высокой литературы, а есть просто начитанность. Хорошая память, человек легко оперирует именами и цитатами, но прочитанное не пропущено через ум и душу. Нужен уровень культуры чтения. Желательно, чтобы это соотносилось и с определенным возрастом. Школьником я всегда любил читать, но Достоевского «Преступление и наказание» тогда не мог осилить. В «Войне и мире» меня больше интересовали батальные сцены. Мы читали Достоевского на четвертом курсе БГУ, обсуждали... Роман «Идиот» для нас стал настольной книгой по психологии. Я был в этом году в Казахстане, там популярны слова Нурсултана Назарбаева о том, что дети, которые сегодня читают книги, завтра будут управлять теми, кто сегодня играет в компьютерные игры. Я думаю, в этом есть определенный смысл.

А.Скалабан: Было 24 часа в сутки десять лет назад и теперь остается... А у моего ребенка сегодня английский, каратэ, музыка, логопед и еще уроки делать надо. Дочка читает, конечно, полчаса в день. Но дети просто физически не могут прочитывать столько, сколько задают в школе.

Т.Фалалеева: На мой взгляд, школьная программа по литературе должна научить детей размышлять, составлять свое суждение и доносить его. Обратите внимание: дети хотят выбросить из школьной программы именно проблемные произведения, объемные, которые нельзя изучать отрывками. Физическая нехватка времени у школьников, их жизненный опыт не позволяют им усвоить эти тексты. Они читают с точки зрения «нравится — не нравится». А упомянутые сложные произведения по определению не могут понравиться. Человек дорастает до таких текстов. В свое время мне тяжело далось прочтение «Бесов» Достоевского. Заставляла себя... Но потом оторваться не могла. Да, ребенок где-то должен себя заставить читать... Но нужно воспринимать чтение как процесс, как труд. Потому что иначе получится, как с моей соседкой, которая отзывается о студентке-квартирантке: «Да она ничего не делает, книжки читает».

О.Безлепкина: Я понимаю, возможно, мои студенты не вернутся к чтению белорусской литературы после университета и поэтому сейчас составляю для них программу так, чтобы там были актуальные активные авторы, чтобы полученных в университете знаний хватило на десяток лет. Но, конечно, я надеюсь, что они к этой литературе вернуться. Ведь нам на кафедру пишут выпускники, окончившие университет несколько лет назад, и просят экзаменационные списки литературы, чтобы читать уже не на оценку.

Мнения студентов о программе по литературе:

«Многие произведения рассчитаны на школьную программу, но не на школьников. Вспоминаю, какое поверхностное отношение было у моих одноклассников к Достоевскому. Я свято верю в то, что в нужное время нужные книги сами приходят к людям. Из-за принуждения школьной программы — читайте, или поставим двойку — классика многих отталкивает. «Маленького принца» я лучше бы прочла в одиннадцатом классе, чем в шестом».

«Честно говоря, я рада, что на нашем факультете нет литературы, потому что я могу читать для себя».

«Я уже на пятом курсе. На втором — третьем, когда у нас было три литературы, я тоже страдала... Но читала. И сейчас не жалею. Это такой пласт, который через десять лет я бы никогда не освоила».

«Я студентка журфака, у меня три литературы. И получается, что за пять лет я для себя не прочитала ни одной книги. Потому что я была хорошей школьницей, стараюсь быть хорошей студенткой и читаю, что задают».

— Мы провели опрос среди студентов, в каком виде они читают книги, и получилось, что чтение в электронном виде преобладает. Хорошо это, плохо ли?

Л.Рублевская: Мне кажется, большое преувеличение, когда начинают горевать, что электронная книга убьет бумажную. Электронная книга — это не плохо и не хорошо, это инструмент, так же, как и бумажная. Я не вижу никакой беды в появлении электронных книг, в том,

что после них появятся какие-то другие. Другое дело, что параллельно с электронными печатные останутся так же, как электрические лампочки не вытеснили из нашего быта свечи... Чтение книги — это проект, в котором участвует все: и личное, через свой опыт, восприятие текста, маргиналии на страницах, шелест бумаги, место, где ты читаешь. Традиционная книга будет существовать всегда — как артефакт.

О.Безлепкина: А вы любите читать электронные или бумажные книги?

Л.Рублевская: А мне уже все равно.

Т.Фалалеева: Мне неудобно держать в руках ридер, даже смартфон, хотя я как редактор постоянно читаю в электронном виде тексты, поскольку так легче работать с ними. Но большие книги я предпочитаю в бумажном варианте.

О.Безлепкина: Когда мне нужно писать статью о какой-то книге, мне удобнее прочитать бумажную. Там проще что-то отметить, найти нужный отрывок. А для души — в электронном.

только спустя какое-то время.

П.Лапо: Да, были авторы, гораздо популярнее Толстого, Чехова при их жизни.

О.Безлепкина: Когда меня как критика упрекают, что я резко высказалась о какой-то книге, мол, из-за этого она лишится будущего, я отвечаю: вы преувеличиваете. Хотя несколько десятилетий назад мнение критика могло помешать писателю. Но есть некий корпус текстов, канон, количество произведений в котором ограничено. Этот корпус все время изменяется (что-то добавляется, что-то выпадает), но только через фильтр профессионального мнения литературоведов. Слабые тексты в канон не войдут никогда.

Т.Фалалеева: Когда мы говорим о модной литературе, мы переходим в другую, не литературную, сферу. Моду на литературу формируют сами издатели. Если издатель видит, что книга имеет успех, он будет работать, чтобы раскрутить ее еще больше. Это бизнес, технологии. Бестселлеры, коммерческие проекты... Есть рецепты по их созданию. Вы их читаете, потому что

П.Лапо: Электронная, печатная ли книга, для меня не принципиально. Меня беспокоит, что технологический прогресс лишает качества жизни. Книга в печатном виде — материальный, осязаемый объект, одна на другую не похожа. Так живое общение заменено социальными сетями. Эмоциональной близости нет.

О.Безлепкина: Психологи заметили, что при чтении электронных книг в памяти удерживается фрагмент текста, адекватный размеру экрана. При чтении бумажных книг есть ощущение текста в целом.

Т.Фалалеева: Мне кажется, отличие в основном эстетическое. Единственный вред — это если экран мерцает. А в остальном электронные книги нужны хотя бы потому, что стоимость книги бумажной очень возросла.

— Есть литература модная. Достояна ли она внимания экспертов? Могут ли модные книги стать классикой?

Т.Фалалеева: Могут.

Л.Рублевская: А могут и не стать. Все решает художественное качество и совпадение с ожиданиями времени. Сколько случаев, когда произведение становилось популярным, актуальным

это навязывается вам. Потому что вам нужно быть в тренде. Хотя, возможно, эта книга не окажет на вас никакого влияния, не произведет впечатления. Но в социальной сети вам нужно поддерживать разговор цитатой.

А.Скалабан: В сети перебрасываются и цитатами из классики. А я даже скажу, откуда эти цитаты берутся. Есть такая группа ВКонтакте, где собрана подборка цитат, с помощью которых человек может показаться начитанным.

Л.Рублевская: Знаете, если бы рецепты создания великого произведения существовали, наверное, лучшими писателями бы были авторы учебников по теории литературы. Можно организовать моду на какую-то книгу, сделать ее бестселлером, но написать произведение, твердо зная, что это будет классика, нельзя. Это может у писателя получиться или нет.

Т.Фалалеева: Должны совпасть горизонты писателя и читателя. Если они совпадают, получается произведение, которое будет покупаться.

О.Безлепкина: Поэтому студенты иногда возмущаются, когда современная белорусская ли-

тература нарушает их ожидания. Ведь есть клише, что белорусская литература — это война и деревня. А если в романе интимные сцены — это уже вроде как не белорусская литература. Поэтому я выбираю для семинаров тексты, которые ломают стереотипы. Но понимаю, что таким образом становлюсь заложником этих стереотипов. Возможно, это тоже неправильно.

Л.Рублевская: Ну, искусство начинается с той грани, где ломаются стереотипы. К сожалению, насчет белорусской литературы они все еще актуальны типа «К нам приехали белорусские писатели? А что, они еще живые?». Это при том, что за последнее время написано огромное количество интересных текстов писателями и молодого, и среднего поколения. И здесь мы неизбежно приходим к вопросу рекламы книги.

— Какой должна быть реклама книги? Допустимо ли поступать, как в рекламном ролике американской библиотеки, в котором молодой человек ездит на роликовых коньках между стеллажами и ест гамбургер — потому что «все возможно, если вы в библиотеке»...

П.Лапо: Была идея создать эротический календарь библиотечкарей. Но я выступал против. Потому что считаю, что библиотека должна проповедовать несколько другие ценности. Один социолог сказал так: чтобы быть успешным, есть два пути — приспособляться или противостоять. Тоже будешь заметным и получать от этого дивиденды. Думаю, библиотекам нужно противостоять некоторым тенденциям, появившимся в обществе.

О.Безлепкина: В Национальной библиотеке, как и в той, из ролика, тоже есть зоны, где можно перекусить, отдохнуть, поговорить. Это такое же идеальное место для свиданий, как и та университетская американская библиотека. А продвигать книги надо. У нас в Институте журналистики был проект «Чытаем Коласа разам», «Чытаем Купалу разам», «Чытаем Караткевича разам». Я принимала участие, помню, что мне попала восьмая глава «Новай зямлі» «Смерць ляснічага».

А.Скалабан: В прошлом году у нас был Год книги. Но не могу вспомнить, чтобы по телевизору прошло много рекламных роликов о книге. Когда в России был Год чтения, там было много такой креативной видеорекламы.

Т.Фалалеева: Это у нас непривычно — пиар, реклама книги. А в Европе реклама на полгода предвещает выход произведения. Мы просто еще не знакомы с такого рода деятельностью. Книга не может существовать совершенно отдельно, как объект. Она обязательно должна сопровождаться. Ее надо популяризовать, пропагандировать.

По словам организатора «Ночи в библиотеке», заведующей Мультимедийной библиотекой БГУ Анастасии Кондратович, цель акции — встреча читателей с авторами и издателями книг. И в завершение дискуссии были подведены итоги конкурса буктрейлеров Boom Book. Среди книг, вызвавших всплеск студенческого вдохновения, — «Над пропастью во ржи» Сэлинджера, «Злая зорка» Ивана Шамякина, «Шляхтич Завальня» Яна Барщевского и другие шедевры. По результатам интернет-голосования победил Сэлинджер, а точнее, ролик абитуриентки журфака Кристины Шумай.

Ночью в библиотеке может быть о-очень интересно.

Людмила РУБЛЕВСКАЯ, «СБ»